

Горбылева Жанна. На пределе смысла

Жан-Люк Нанси родился в Бордо в 1940 году. Его отец, выходец из Нормандии, был военным инженером и служил в оккупационных войсках в Германии, в Баден-Бадене в 1945 году. В Германии они прожили пять лет и немецкий язык стал для него вторым родным языком.

Жан-Люк Нанси очень рано проявил интерес к философскому вопрошанию, и, по его собственному выражению, «философия всегда составляла часть его жизни». Ещё в ранней юности он был вовлечён лицейским священником в движение Христианской студенческой молодежи, считавшееся очень интеллектуальным, ничего общего не имевшем со скаутами. Участники этого движения много размышляли о задачах школы, о взаимопомощи, о проблемах общества. Это движение предлагало направленное теологическое и библейское образование. Ещё во время участия в студенческом христианском движении он получил возможность серьёзной аналитической и интерпретационной работы. Однако подлинное философское откровение, по словам Жан-Люка Нанси, случилось с ним во время занятия, проводимого иезуитом Ж. Морелем в католической школе, читавшим курс о Гегеле, которого последний знал прекрасно, интимно и глубоко.

Итак, среди первых философских встреч - знакомство с Жоржем Морелем, иезуитом, специалистом по Гегелю, затем с Франсуа Вареном, подтолкнувшим его к чтению Письма о гуманизме Жан-Поля Сартра, ученика Жана Бофре, открывшего Франции Хайдеггера. Почти одновременно он знакомится с Полем Рикером в Сорбонне, под руководством которого выполняет свою магистерскую работу о религии в трудах Гегеля.

Как часто бывает в переходные эпохи, философские движения того времени были весьма многообразны. Большим авторитетом пользовался Жан-Поль Сартр, а немецкие феноменологи Гуссерль и Хайдеггер были практически неизвестны во Франции. Доступ к текстам Гуссерля требовал предварительной подготовки, вне которой он был недостижим. Хайдеггер в принципе был неизвестным для французских интеллектуалов. Жан-Люк Нанси почувствовал свою индивидуальность и своеобразие именно читая Грамматологию, Голос и Феномен Деррида и делёзовского Ницше. В это же время он открывает для себя структурализм. Деррида, Альтюссер, Делёз ориентируют его на изучение современности, но именно Грамматологию Деррида считает Нанси подлинно современной книгой в полном смысле этого слова. «Мы чувствовали, что эпоха Сартра заканчивается. Я помню дискуссию с Жаком Рансьером о том, остаётся ли сегодня необходимость читать Критику диалектического разума. Рансьер задавался этим вопросом, потому как был увлечён Альтюссером, а я - Хайдеггером».

В 1964 году он записывается на теологический факультет Университета гуманитарных наук Страсбурга, который быстро покидает. Вскоре Жан-Люк Нанси успешно сдает государственный экзамен на преподавание философии в университете и получает звание агреже философии. В 1967 году он встречается в Страсбурге Филиппа Лаку-Лабарта, вместе с которым в следующем году организует семинар о Батае, положивший начало исследовательской группе о теориях языка и текста. Вскоре происходит их знакомство с Жаком Деррида, которое становится началом не только их многолетней дружбы, но и разделённой философской авантюры, прерванной только недавней смертью Деррида в октябре 2004 года.

В 60-е годы намечается два главных течения во французской философии: с одной стороны, марксистски ориентированное во главе с Альтюссером, с другой стороны, Ролан Барт и Мишель Фуко, открывающие новый способ осмысления мира. Однако Мишель Фуко никогда не имел большой значимости для Жан-Люка Нанси. Он всегда расценивал его анализ скорее как исторический, чем философский. В многолетней полемике Деррида и Фуко, завязавшейся по поводу его «Истории безумия в классическую эпоху», Нанси безоговорочно занял позицию Деррида.

Университете гуманитарных наук Страсбурга, где и заканчивает свою профессорскую карьеру в 2002 году. В 1972 году вместе с университетским коллегой Филиппом Лаку-Лабартом они напишут свою первую книгу: Название письма (прочтение Лакана). Сам Лакан приветливо встретит эту работу по «деконструкции», свидетельствующую о близости их исследований методу Ж. Деррида. В их следующей совместной работе - Литературный абсолют, вышедшей в 1978 году, они рассуждают о целях литературы и философии. Авторы излагают в ней новую теорию об «изобретении литературы» в начале XIX века. На основе переводческой, издательской работы и комментариев текстов представителей «первого немецкого романтизма» они показывают, что романтизм конституирует определённый временной отрезок, когда литература в первый раз записывается так, как она себя мыслит, и мыслит себя так, как записывается.

Его работы *Ego sum* (1979), затем *Разделение голосов* (1982) задают наиболее специфические философские вопросы, создающие из Литературного абсолюта прекрасную почву для философских размышлений, будь то проблемы субъекта, смысла, законченности и, соответственно, разделения.

... В философии существуют великие одиночки: Декарт, Кант... Однако Жан-Люк Нанси не мыслит свою работу вне философской дружбы, считая, что не существует изолированного философского дискурса, а он всегда должен быть разделяем. Философия всегда искала истину в разделении голосов. Это разделение, заключающее в себе близость и оппозицию, конституирует мысль, так же как и диалог - великую платоновскую матрицу философии.

Представляемая сегодня русскому читателю книга *Не-производимое сообщество* (*Communauté désœuvrée*), впервые напечатанная в 1986 году, выдержала уже три издания

во Франции. После многолетних подборок и изучения всевозможных вариантов, мы предпочли именно этот перевод заглавия книги. *Communauté désœuvrée* переведено как Непро-изводимое сообщество, хотя, безусловно, стоит сказать и о других оттенках сходных значений. Французское причастие *désœuvrée*, заключающее в одном слове одновременно как активное, так и пассивное значение непроизводимого и непроизводящего (что отнюдь не характерно для русского), в подлинном авторском означивании сохраняет зримую связь с «произведением» (*œuvre*). Итак, если допустить в виде варианта названия «Непроизводящее сообщество», то стоит ограничить его известными рамками: сообщество, непроизводящее самого себя как своё собственное произведение (смерти?). Такая интерпретация заглавия кажется нам отнюдь не очевидной без предварительного прочтения и изучения самого текста, и мы решили от него отказаться в пользу «непроизводимого». В причастии «непроизводящее» в первую очередь слышится слишком ярко выраженный «производственный» смысл, который, как нам представляется, далёк от смысла, заложенного автором в название книги. В книге Нанси речь идёт о сообществе, лишённом сообщества, о невероятности самой мысли о сообществе, о невозможности создать его искусственно, о сообществе, непроизводящем самого себя как своё собственное произведение.

Жан-Люк Нанси предпринимает рефлексивный поиск относительно философских и политических оснований необходимости бытия-совместно, которая делает из Непроизводимого сообщества главный этап его творчества: «Философствовать ни в коем случае не значит заимствовать из резервуара смысла. Напротив, это значит совершать движение истины от основания к её непостижимому пределу. Там, где прерывается смысл, начинается философствование». Этот призыв слышится уже в перво-философии Древней Греции, стоящей у истоков прерывания мифа.

Нанси продолжает в своей книге рефлексивный поиск Батая и Бланшо, что касается философской и политической необходимости бытия вместе, выказанного, чтобы предоставить нам возможность открыть его непостижимую истину. Парадоксально, что его работа над книгой Непроизводимое сообщество совпала с эпохой крушения коммунистических идеалов в России и Восточной Европе, что нивелировало всякую идею построения общества на основе предельного идеального завершения.

Нанси задаётся вопросом о возможности со-бытия в его близости без слияния идентичностей. Он приходит к выводу, что сообщество ещё никогда не было создано, и все тоталитарные режимы создают не сообщества, а произведения смерти, обнажающие саму смерть, с её целью уничтожения во имя сообщества, изобретая «народ» или «самоконституированную расу», искусственно выработанное человечество. (Разница фашизма и «реального» коммунизма в том, что фашизм утверждает суть сообщества как субстанцию в виде земли и крови - *Blut und Boden*, в то время как коммунизм утверждает сообщество в виде праксиса.) Однако и то, и другое приводит к несметному количеству жертв...

Субстанциальные или расистские модели сообщества положили конец всякой возможности исходить из чего-то данного, составляющего часть общего бытия (будь то кровь, субстанция, родство, сущность, происхождение, природа, выбор, органическая или

мистическая идентичность). Так он приходит к логическому пределу невозможности мыслить общее бытие, исходя из какой-либо модели «бытия» вообще. Цель современной философии рассматривается как мышление бытия-вместе вне бытия, мыслимого как идентичность, в виде сущего или субъекта, как мышление бытия-вместе, волнующего само бытие в глубине его онтологической текстуры. В этой книге Нанси пытается ответить на вопроша- ние самого бытия как бытия-вместе, подобно множеству других авторов, таких как Бланшо, Агамбен, Феррари, Рансьер, Эспозито, продолживших эту тему.

Эта книга - приглашает к дискуссии: как возможно сегодня наше сосуществование друг с другом, каким образом со-бытие формирует структуру нашего бытия во всевозможных версиях, вполне вероятно непереводимых друг в друга?

Смысл мира (1993) продолжает начатый рефлексивный поиск. Согласно Нанси, в поисках смысла стоит опираться не на утопии или мечты, а лишь на терпеливую философскую работу для углубления изнутри глобальных метафизических вопросов (таких как рождение смысла, многообразие мира в отношениях друг с другом, чтобы коснуться пределов, считавшихся нерушимыми, коснуться «абсолютного»). Об этом свидетельствует появление нового искусно изобретательного письма, призванного освободить новое пространство для этого расширения смысла.

Фактически Музы (1994), Взгляд портрета (2000) - книги, написанные в соавторстве с художниками и далекие от эстетических трактатов, показывают, как в различных видах искусства ставится вопрос о смысле мира, подобно смыслу жизни. Он приходит к выводу о существовании связей между нами, существующих вопреки ускользающей истине, разрушению незыблемых постулатов и ценностей. «Мы» и «искусство» (наше бытие-вместе) более всего подвластны творчеству смысла в живой страсти творения.

Личную биографию Жан-Люка Нанси невозможно отделить сегодня от его так называемой «телесной» биографии. Волею судьбы он вынужден был перенести в 1991 году операцию по пересадке сердца. В книгах *Corpus et Intrus*, описывающих этот опыт, он продолжает развивать идеи, общие для других его произведений, в частности, идею о первичности опыта «внешнего» существования по отношению к субъективной «внутренности», уже на примере размышлений о теле. Он рассматривает тело как протяжённость, при помощи которой мы касаемся всего, всё касается нас и этот контакт отделяет нас от всего. Тело - это то, что нас выказывает, в том смысле, в котором субъект всегда находится вне себя (вспомним тематику выказанности вовне единичности и явки на суд сообщества в Непроизводимом сообществе), это - я сам как внеположенность. Поэтому Жан-Люк Нанси отвергает все иные интерпретации тела как внутрисложенности - будь то тело говорящее, сексуальное, означающее, страдающее и т. д. Используя тело как основу всех значений, мы рискуем его утратить, ибо само тело есть нечто, пребывающее вне всякого значения. Он считает, что необходимо мыслить тело как внеположенность, вид «внегастеризации» субъекта, используя несколько искусственно этот биологический термин, обозначающий определённый вид животных, живущих благодаря внешнему

желудку.

В книге *Intrus* автор пытается переосмыслить традиционные понимания «мое» - «чужое». «Что значит это выражение: «мое сердце?» Моё значит то, которое отказывается выполнять свои функции и меня покидает, или «мое другое», которое работает, продлевает жизнь, доставляя вместе с тем столько неприятностей? Или орган, работающий наполовину, может быть, только наполовину мой орган?» Так ставится вопрос о реально пережитом опыте кризиса телесной самоидентификации. Что такое «Я»? Если моё собственное сердце меня покинуло, в какой степени это был «мой» и «мой собственный» орган? Моё сердце стало мне чужим, чужим именно потому, что оно находилось внутри. Чуждость не пришла извне, не появившись вначале изнутри. Из этих рассуждений следует вывод: «Тело - это своё чужое».

Жан-Люк Нанси часто доводилось слышать критику в свой адрес от университетских коллег, часто упрекавших его в том, что его собственное исследование очень рассеянно, касается всего. Тем самым был поставлен очень серьёзный вопрос о назначении философа: в чём же подлинное его назначение, как не в касании всего? Философы, начиная с древнейших времён, постоянно рассуждали о том, что такое всё, всеиность и какая же иная мысль может постоянно занимать философа? Упрекал ли кто-то в этом Канта, Гегеля, Бергсона или Витгенштейна? Почему сегодня на Западе в эпоху узкой специализации становится проблематичным заниматься одновременно рассуждениями о политике и искусстве, метафизике и религии?

Жан-Люк Нанси убеждён, что время глобальных философских систем сегодня ушло в прошлое. Не случайно Жак Деррида назвал свою книгу о Нанси «Касатель» (*Le toucher*). Поле исследования философа волей-неволей касается всего. Коснувшись множества сюжетов и тем, Нанси никогда не создавал законченных философских систем. Ведь сегодня, в нашем столь стремительно меняющемся мире систематическая организация философии невозможна. Мир и все его ценности меняются столь стремительно, что философия сегодня не способна проектировать и прогнозировать некое видение мира или его конструкцию. Поэтому отсутствие систематизации закономерно и оправданно. Это отсутствие схем подчас вызывает взрыв в политической, социальной и идеологической системах.

Сегодня всё стремительно меняется как в музыке, так и в танце и даже в политике, переживающей некую деполитизацию. Мир, из которого мы выходим, это - мир истории, прежде всего гегелевской истории. Мы выходим из мира, когда Запад оперировал понятиями прогресса и развития, и, согласно философии Маркса, предполагал своё завершение в человечестве, которое могло бы быть названо человечеством рациональным, обществом, несущим счастье человечеству, со всеобщим раскрытием в свободе творчества.

Мир меняется, но это - не переход и не эволюция. Мы входим в мир, в котором больше нет истории, а есть только событие. Перед нами открывается эпоха, когда мы осознаём невозможность заранее предначертать будущее, где нет ни предвидения, ни провидения.

Это значит, что всё вокруг - непредвиденная необходимость, невозможность репрезентировать себе будущее.

Нанси открывает нам опыт философской мысли будущего, мысли на пределе мысли, её разделения и прерывания: "Сегодня мы познаём другое прерывание смысла (например, означающих "история", "человек", "сообщество", "искусство"), в которых самих по себе нет ничего нового кроме открытия новых возможностей".

Страсбург - столица Европы и парламентской традиции, где располагаются многие европейские институты, такие как Европарламент и Совет Европы. Кроме того, сегодняшний Страсбург живёт как город многочисленных встреч и философского творчества, организованных Жан-Люком Нанси и Филиппом Лаку-Лабартом со своими учениками. Сделав свой философский выбор в пользу современной традиции вместо изучения древнего наследия, их стараниями при помощи коллег и единомышленников из университета имени Марка Блока в 2004 году был создан Парламент философов, почётными президентами которого избраны Ж-Л. Нанси и Ф. Лаку-Лабарт. Целью этого необычного Парламента является организация философских встреч и конференций.

Пока на счету Парламента философов четыре сессии: конференция об изгоях в демократическом обществе, проведённая в марте 2004, Дни Жака Деррида в Страсбурге (одно из последних публичных выступлений философа в июне 2004 года), пятидневные Хайдеггеровские чтения в декабре 2004 года, Дни средневековой философии в мае 2005. Следующая сессия, намеченная на декабрь 2005 года, будет посвящена работам Левинаса.

Страсбург как европейская столица жаждет внести свой вклад в расширенные дискуссии и обмен идеями в Европе. Город давней философской традиции, воплощённой в таких именах, как Эммануэль Левинас, Морис Бланшо, Поль Ри-кёр и Жорж Кангиллем, этот город создаёт условия для участия молодых европейских философов, выдвигая данный принцип в качестве основной цели «Философского парламента».

Первоначальное значение слова «парламент» - место дискуссий, переговоров, вторичным является значение демократического института. По утверждению Жюль Делёза, философия ведёт «войну без кровопролития» против доминирующих сил и мнений эпохи. Парламент философов - это место, открытое для радикальных вопрошаний во время организованных встреч с приглашением к разговору, к размышлению, к письму, где каждый из участников «без конца находится в переговорах и войне с самим собой благодаря философии».

Вся философская работа Жан-Люка Нанси тоже свидетельствует о настойчивости этой страсти смысла. Несводимые ни к какому единичному значению, избавленные от всякого суверенного присвоения, новые разделения смыслов выказаны в его многочисленных сочинениях к мысли, не имеющей «ни избранных, ни привилегированных, ни героев или святых», которая одновременно «принадлежит всем и никому». В нашем бытии со-вместно мы перемещаемся во всевозможных технических и политических, экзистенциальных,

практических и теоретических пространствах сообщества мыслимой современности.

Переводчик выражает благодарность сотруднику Института философии РАН Олегу Аронсону за советы и критические замечания при прочтении первых вариантов перевода, преподавателям философского факультета Томского государственного университета Ольге Мазаевой и Валерии Петренко за помощь в организации проекта и прочтение окончательных вариантов, Евгению Троицкому, преподавателю Томского госуниверситета за первоначальный перевод пятой главы настоящей книги с английского источника-оригинала, Елене Петровской за публикацию перевода *Corpusa*, чтение которого облегчило понимание терминологии текста Непроизводимого сообщества.

Особенную благодарность хотелось бы выразить Эммануэлю Долло за его терпеливый, последовательный и блестящий комментарий книги Нанси, всего лишь малая часть которого, к сожалению, была записана, и ещё меньшая публикуется в этом издании, переосмысленная и переведённая с французского в адаптации к русскому читателю. Без его поддержки у меня вряд ли бы хватило смелости и упорства завершить перевод и осуществить эту публикацию.

Версия #1

Зверобой создал 23 января 2026 20:42:27

Зверобой обновил 23 января 2026 20:43:49